

Лада Зорина

ПРЕДАТЕЛЬ

*Мы нас
(не) вернёшь*

Лада Зорина

Предатель. Ты нас (не) вернешь

«Литнет»

2024

Зорина Л.

Предатель. Ты нас (не) вернешь / Л. Зорина — «Литнет», 2024

— Он мне не нужен! — муж кивает на мой живот. — Что хочешь с ним делай. Шок пронзает меня с макушки до пят. — Это же... это же ты мне изменил! Как ты можешь... — Мне не нужен этот ребёнок, — чеканит супруг. — И воспитывать его я не буду! Собираю всю волю в кулак и накрываю ладонью живот: — Тогда... тогда и ты нам не нужен! Разбитая жизнь. Громкий развод. Одиночество. Бывший супруг сломал меня, растоптал, отказался от нашего сына. Я поклялась никогда его не вспоминать. Но, к сожалению, он сам вспомнил о нас... - властный и жёсткий герой - измена мужа и развод - общий ребёнок - эмоции на грани - ХЭ

© Зорина Л., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	25
Глава 11	27
Глава 12	29
Глава 13	31
Глава 14	33
Глава 15	35
Глава 16	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Глава 1

— Артур Анатольевич у себя? — киваю на закрытую дверь с порога приёмной.

Вместо секретарши в удобном кресле у монитора почему-то сидит младший помощник моего мужа — светловолосый Андрей.

При виде меня он выпрямляется и немного бледнеет.

— Варвара Сергеевна... а...

От неловкости краснею слегка. Я же совсем без предупреждения. Но у меня очень важное объявление. И я очень хочу поделиться им с мужем. Прямо сейчас. Ведь, господи-боже, мы так этого ждали!

— Знаю, я ему не позвонила. Только сегодня из поездки вернулась и вот, собираюсь сделать сюрприз.

Помощник теряется. Иголлка тревоги колет переполненное радостью сердце, но я внимания не обращаю. Случись какой-нибудь форс-мажор, и супруг обязательно мне отзвонился бы.

Это я просто с долгой дороги, уставшая и, если честно, очень голодная. Вот и мерещится всякое.

— Варвара Сергеевна, да он... Погодите...

Не успевает договорить. Массивная дверь кабинета распахивается, и оттуда буквально вываливается запыхавшаяся, растрёпанная секретарша. Кажется, её зовут Леной, но сейчас я не помню.

Её шёлковая белоснежная блузка неряшливо торчит из перекрученной юбки-карандаша. Пара пуговиц сверху небрежно растёгнута и висит буквально на ниточках.

Русые волосы свисают из почти развалившегося узла. Нервные руки одёргивают несчастную, сильно помятую юбку.

Я немею. Слова отказываются слезать с языка.

Привалившись к закрывшейся двери, секретарша наконец переводит мутный взгляд с остолбеневшего Андрея на перекошенную меня.

Её губы формируют беззвучное «О-о-о». Глаза расширяются до невозможных размеров. Но ни звука из горла не вылетает.

Будто в солидарность с моими судорожно сжатыми голосовыми связками.

Опомнившись наконец, Андрей неловко вскакивает. Смотрит на нас во все глаза и понятия не имеет, что предпринять. Может быть, я бы даже его пожалела, но сейчас и время, и мысли текут как-то иначе, странно, лихорадочными скачками.

Слабо соображая, что вообще творю, я опережаю любую его попытку мне помешать. Секунда — и я уже у двери.

Буквально отдираю от неё тихонько ойкнувшую секретаршу и врываюсь в кабинет генерального.

Но пороге едва не спотыкаюсь. Глаза шарят по обширному помещению.

Артур сидит за столом в своём кресле, откинув голову на высоченную спинку. Растрёпанный, утомлённый. Очевидно, тоже без сил.

Желчь подкатывает к самому горлу. Меня начинает трясти.

Дрогнувшая рука что есть силы захлопывает тяжеленную дверь.

Он вздрагивает, проводит ладонью по лицу и открывает глаза.

А когда понимает, кто перед ним, выпрямляется и медленно поднимается из кресла.

— Варвара?..

Голос хриплый и основательно севший. В глазах — изумление, но и только. Ни вины, ни испуга.

— К-как это понимать? — трясущимся пальцем указываю на дверь. — Я... я видела твою с-секретаршу.

Он хмурится и небрежно поправляет заломившийся ворот рубашки.

— И что? Я её тоже видел.

Его реакция сбивает с толку. Не понимаю...

— Ты с ней... вы... вы тут чёрт знает чем занимались!

Муж... усмехается. И эта кривая усмешка не изгибает, а буквально ломает его чёткую линию губ.

— Чёрт знает чем? Интересное определение.

Я не верю ни ушам, ни глазам. Я будто вернулась не к любимому мужу, а к его злобному двойнику. Который не только ничуть не взволнован тем, что я его на горячем поймала, но ещё и надо мной издевается!

— Артур, я... Что происходит?..

— А что происходит? — его глаза опасно сверкают. — Ты в рабочей поездке была. Долго была. Я заскучал. Так бывает.

Так... бывает?

Господи, что за сюр?.. Куда я попала? Вот так выглядит ад?

— Нет, — я начинаю мотать головой в надежде, что сейчас всё каким-нибудь чудом разрешится и объяснится. — Нет, нет, нет. Я н-не понимаю...

— Тут нечего понимать, — припечатывает супруг. — Тебе не стоило возвращаться без предупреждения. Сваливаться как снег на голову. Сберегла бы свои драгоценные нервы.

Сберегла.

Боже. О боже...

И мои руки невольно накрывают пока ещё плоский живот в бессознательной попытке защитить, укрыть, уберечь от всего этого странного и непонятного ужаса.

Взгляд мужа, словно гарпун, цепляется за мои руки. Кажется, даже отсюда можно заметить, что его зрачки стремительно расширяются. Тяжёлая челюсть застывает и каменеет.

— Ты... — осекается.

А я не могу. Ничего не могу ответить. Горло буквально спеклось. Поэтому опускаю слезящиеся глаза и просто киваю. Одной ладонью невольно опираюсь о дверь, чтобы не свалиться на пол от накатившей слабости.

А он не даёт мне времени хоть чуть-чуть прийти в себя после произошедшего.

Добивает. Без малейшей надежды выжить после такого.

— Мне этот ребёнок не нужен, — муж тычет мне пальцем в живот. — Что хочешь с ним делай, но мне он не нужен!

Мой взгляд, затуманенный потрясением, вздёргивается к его потемневшему, чужому лицу.

Болезненный шок пронзает меня с головы до самых пят.

— Ч-что?.. — хриплю, чувствуя, как слабеют бедные ноги.

— Он. Мне. Не нужен.

Нет. Нет. Это за гранью...

— К-как ты можешь так говорить?..

— Мне не нужен этот ребёнок, — выплёвывает супруг, даже не потрудившись выйти из-за стола и приблизиться. — И воспитывать его я не буду.

Я убита. Я умерла.

Но собираю всю волю в кулак, ради своего будущего дитя, и снова накрываю дрожащей ладонью живот:

— Тогда... тогда и ты нам не нужен!

Друзья, приглашаю вас в мою новинку
 «Развод. Ты обещал, что не предашь»

Читать: <https://litnet.com/shrt/YpJa>

— Альбина в беде, — процедил муж. — Я должен ей помочь.
 Я вспомнила те их нежности на парковке ... В груди защемило.
 — А какое тебе, к чёртовой матери, дело до её бед?
 — На этот раз вопрос личный, — выговорил он через силу.
 — Это личное касаться нас никак не должно!
 — Но касается, — отрезал Данила.
 — Как? — мой голос ослаб. — Каким образом? Говори, Громов!
 Данила поднял на меня больной взгляд:
 — Когда мы с ней расставались, я не знал. Она мне ничего не сказала.
 — Чего... не сказала?
 — Когда мы расстались, Альбина была беременна. У меня есть сын, Ксения. Ему семь.

 ♥# властный мужчина
 ♥# сложные отношения
 ♥# очень эмоционально
 ♥# ХЭ

Глава 2

— Остановите! Здесь, пожалуйста, остановите, — требую, едва удерживая себя от того, чтобы вновь не удариться в панику.

Внизу живота разливается острая боль, и мне до одури страшно. Мне страшно, что кошмар в кабинете, как бы отчаянно я ни защищала будущее дитя, сказался. Что вот сейчас мне сделается окончательно дурно, и я потеряю...

Буквально вываливаюсь из салона авто.

Вслед водитель кричит мне:

— Девушка, с вами-то всё в порядке? Может...

— Всё в порядке, — мотаю головой и захлопываю дверцу.

Поликлиника у нас рядом с домом. Два шага буквально. Я мимо её ворот прохожу.

Но, господи, как же я безумно надеюсь, что мчаться мне туда не понадобится.

Сажусь на лавку, не замечая бушующей вокруг ранней весны.

И тепло-то сегодня совершенно по-летнему. И птицы поют. И воздух напитан солнцем и запахом первой распутившейся зелени. А у меня в душе пылает адская бездна.

Я выжжена. И внутри уже ничто никогда не зацветёт.

Сажу, дышу — глубоко и ровно.

Сердцебиение успокаивается. Боль разжимает свои чёрные когти, отступает и наконец-то уходит.

Медленно поднимаюсь и бреду по направлению ко входу в элитный коттеджный посёлок. И внутри меня оседает стойкое чувство — я в последний раз прохожу через эти ворота, в последний раз киваю скупающей на посту частной охране.

Я больше сюда не вернусь. И, наверное, это правильно.

Я всё равно никогда этому миру не принадлежала. И сегодня муж мне об этом напомнил. Самым жестоким способом.

Садовник окликает меня, и я машу в ответ.

— Варвара Сергеевна, вещи ваши минут двадцать назад привезли. Из аэропорта.

Киваю, благодарю за информацию.

Это... хорошая новость. Не слишком много времени уйдёт на стихийные сборы. Упакую свои чемоданы и на обратном пути — всё-таки в поликлинику. Для перестраховки.

А он...

После всего, что стряслось, я не хочу его больше видеть. Я настолько раздавлена, что даже требовать объяснений сейчас не хочу. Я боюсь за малыша. Боюсь, что второго раунда просто не выдержу.

Слишком велик шок от потрясения. Слишком много необъяснимой агрессии. И выпытывать от съехавшего с катушек мужа причины его поведения — всё равно что в пожар без защиты соваться. Целой я из него точно не выберусь.

В доме было пусто и тихо, когда я пересекла парадное фойе, взбежала по лестнице и помчалась в дальнее крыло, к нашим спальням.

Ухватив краем глаза аккуратно приставленный к гардеробу небольшой чемодан, вернувшийся следом за мной из поездки, я раздвинула створки.

Вещи летели в дорожную сумку стремительно и без разбора. Заберу всё своё, остальное пусть хоть выкидывает.

Я до того погрузилась в процесс, поминутно умоляя небеса, чтобы боль внизу живота не вернулась, что не сразу заметила: в комнате я не одна.

— Варя?

Вздвигнув, я обернулась. На пороге спальни маячила Анна Евгеньевна. Свекровь.

— Добрый день, — пробормотала я на автомате и вернулась к работе.

— А что случилось? Что происходит?

— Ничего, о чём вам стоило бы волноваться.

Анна Евгеньевна скорее обрадуется, узнав долгожданные вести. Она терпела меня исключительно потому, что до сих пор Артур запрещал матери вести себя так, как она бы хотела.

Но сейчас... сейчас всё изменилось. Стремительно и навсегда.

— А куда ты собралась? Куда вещи опять собираешь? Только ведь приехала. Двадцать минут назад твой чемодан...

— Я уезжаю, — перебила я, закрывая гардероб и вталкивая вещи в просторные недра дорожной сумки.

— Это я и так поняла, — нахмурилась свекровь, поправив собранные в узел густые тёмные волосы. — Но что за спешка? Артур ещё на работе...

Упоминание имени мужа резануло по сердцу неожиданно сильно.

Не смей, Варвара! Думай о ребёнке. *Только* о ребёнке.

— Я знаю. Я там была. Поверьте, Артур моему отъезду только обрадуется.

Свекровь снова окинула взглядом мои приготовления, в её светлых глазах забрезжило несмелое понимание.

— То есть... ты *совсем* уезжаешь.

Я нашла в себе силы на мгновение оторваться от сборов, выпрямиться и посмотреть ей прямо в глаза.

— Совсем. Навсегда. Без возврата.

— Не может быть, — прошептала она, и её породистое лицо просветлело. — Вы... вы разводитесь?

Я позволила боли пройти сквозь истерзанное сердце, отозваться глубоко, на самом дне, тупой и тянущей болью. Но взгляда не отвела. Кивнула.

— А... а что случилось?

Почему я должна продолжать корчить из себя дипломата, раз всё кончено и мосты уже сожжены?

— Помутнение рассудка у вашего сына. Он спятил. Сошёл с ума. Рехнулся. Вот что случилось.

— Н-не понимаю.

— Я тоже! — в сердцах выкрикнула я, нервы начинали сдавать. — Но знаете что? Выяснить все «как» и «почему» я не собираюсь! Потому что того, что он наворотил и наговорил, уже ничто не сможет исправить. Ничто! И никогда!

На свекровь мои крики не произвели впечатления. Она лишь поджала губы и процедила:

— Если Артур так поступил, значит, на то были причины.

Я коротко рассмеялась, и смех перерос в позорный всхлип, когда я стащила к кровати дорожную сумку и, поставив её на колёсики, откатила к дверям вместе с прихваченным у гардероба чемоданом.

У порога я остановилась и смерила взглядом женщину, которую наверняка больше никогда не увижу:

— Конечно. Ведь ваш святой сын не в состоянии ошибаться.

И словно в насмешку над тем, что я его упомянула, судьба столкнула нас на самом выходе из дома — на залитом солнцем крыльце.

Супруг смерил меня ненавидящим взглядом, взвесив на ладони ключи от авто:

— Жертву ломаешь? И надолго поездка? Пока деньги на карточке не иссякнут?

Всё внутри опалило огнём, но опасаясь нового приступа боли, я вынудила себя сцепить зубы

— Отойди. Уйди с моего пути!

Муж всего пару мгновений сверлил меня взглядом. А потом... отступил на шаг и махнул рукой в сторону лестницы:

— Ну, счастливой дороги.

Приглашений мне и не требовалось. Я понеслась со своей громоздкой поклажей вниз, будто за мной черти гнались.

В спину мне врезалось его беспощадно-прощальное:

— За алиментами возвращаться не вздумай!

Глава 3

— Варя, тебя там спрашивают... — в дверном проёме кабинета, где я редко задерживалась, почти всё рабочее время пропадая в торговых залах, маячила напарница Ольга.

Оборачиваюсь и молча указываю на прижатый к уху телефон, но всё же шепчу:

— Это срочно?

Ольга неопределённо пожимает плечами.

— Клиент?

— Вот, кстати, нет.

Что-то новенькое. Хмурюсь, но всё же киваю.

— Поняла, — снова указываю на телефон. — Дай мне минутку.

Ольга кивает и скрывается. А я возвращаюсь к телефонному разговору с Данилом:

— Ты только не смей на футбольное поле сбегать, слышишь? Переживать же буду.

— Я понял.

— Я уже заканчиваю на работе. Скоро буду.

— Не сбегу, — бубнит в трубку Данил. — Обещаю.

— Смотри мне, — припечатываю. — А то знаю я вас первоклашек.

Данил растёт активным ребёнком, но вовсе не сорной травой, чего можно было бы ожидать от ситуации, в которой ребёнок воспитывается работающей на двух работах матерью-одиночкой.

Нет, у нас всё в порядке. Мы справились.

Да, сложно и муторно временами. Да, нелегко. Но тут главное верить в себя и в то, что для тебя важно.

А ещё верить в любовь. Несмотря ни на что. С любовью и невозможное станет возможным.

А я своего сына люблю — до судорог, беззаветно. Но и без перегибов, когда ненаглядному чаду позволяют всё, что только возможно.

— Скоро уже и не первоклашка, — буркнул сын. — Уже скоро каникулы.

Я про себя усмехнулась.

— Это я к тому, что в вашей школе все первоклашки — оторвы. Мне директор ваш говорила.

Это правда. Стоило Данилу отправиться в школу и обзавестись там друзьями, и эту гиперактивную ватагу было попросту не разнять.

«У вас, Варвара Сергеевна, спортсмен растёт», — сказали мне в школе. А я записала Данила в секцию плавания и на футбол, чему он был несказанно рад. До того рад, что и вне факультативных занятий с мячиком бегал.

Сын рос в отца. Это единственное положительное, что я могла сейчас вспомнить о его биологическом родителе. Вот пусть родитель и остаётся далёким, полузабытым воспоминанием.

Меня это устроит. Нас с Данилом это устроит.

— Так кто там, Оль? — я сунула телефон в карман брюк и по пути в торговый зал заглянула в кабинет напарницы.

Она подняла на меня нечитаемый взгляд:

— Какой-то мужчина.

Я нахмурилась:

— И не клиент... Шутишь?

После развода ни с какими мужчинами я не вожусь. Навсегда желание отпало. Стоило только вспомнить, как в тот страшный день вся моя жизнь рухнула, надолго похоронив меня

под своими обломками. Знакомые-мужчины у меня, конечно же, были, но я с ними почти не общалась. Поэтому чтобы кто-то целенаправленно на работу ко мне решил заглянуть... Оставалось только теряться в догадках.

Я мотнула головой, отгоняя видения прошлого. Давно я об этом не вспоминала...

— Да не шучу я, — усмехнулась Ольга. — Я-то вначале подумала тоже, что новый клиент. Девчонки-консультантки к нему так и ринулись. А он нет, говорит, я к вам не за покупками. Мне, говорит, Варвара Сергеевна Лисина нужна.

Мои глаза непроизвольно расширились. Вот, значит, как. Имя, фамилия, отчество мои ему известны. И не клиент.

Внутри шевельнулось что-то тревожное.

И не зря.

Глава 4

— Не пойму, Оль, а он что, не представился? — смотрю на коллегу с недоумением. Ольга слегка покраснела и даже опустила глаза.

— Что такое?

— Да я, если честно, так на него засмотрелась, что даже спросить позабыла.

От неожиданности признания я заморгала

— Оля...

— Да ты просто не понимаешь, — цокнула она языком. — Вот когда его увидишь, поймёшь. К тому же говорил он так, что я поняла — вы точно знакомы.

Тогда это просто ошибка. Какое-то недопонимание.

Не водила я знакомств ни с какими сногшибательными красавцами, от которых мои коллеги дар речи и разум теряли.

Ладно. Может, это просто кто-нибудь из старых знакомых решил оживить свой интерьер авторскими флористическими композициями. В подготовке к новому сезону у нас как раз обновился каталог дизайнерских вариантов.

Оставив Ольгу наедине с отчётом, который она готовила со вчерашнего дня, я покинула её кабинет и вышла в торговую залу.

Вышла и обомлела...

В центре освещённого светом заходящего солнца просторного помещения стоял он. Будто пугающий призрак из прошлого. Мужчина, который цинично мне изменил. Который беспощадно отказался от нашего сына. И который все эти годы о нас даже не вспоминал.

Мой бывший муж. Артур Барханов.

Время вдруг потекло мучительно медленно. Стоя вполоборота, лицом к витрине и гордым, породистым профилем ко входу, он, заслышав мои шаги, обернулся.

Я вросла ногами в пол. Тело окоченело от шока.

Вытянулась по струнке и судорожно сжала ладони в дрожащие кулаки.

Восемь лет. Мы не виделись с ним восемь лет...

И сейчас я смотрела в лицо человека, который когда-то сделал меня счастливейшей, а потом и несчастнейшей женщиной на свете... И этих восьми лет будто и не было.

Будто я только вчера мчалась по улицам города с разорванным в клочья сердцем и просто не знала как дальше жить...

Голова горела, мысли путались, а с языка будто сами собой срывались слова, на автомате:

— Добрый день. Чем я могу вам помочь?

Безжизненно ровные. Словно я сама в бездушный автомат превратилась.

Барханов окинул меня непроницаемым взглядом. Он даже руки из карманов идеально выглаженных брюк вынуть не потрудился.

Коротко кивнул и в тон мне проговорил:

— Добрый день, Варвара. Нам нужно поговорить.

У меня мурашки по коже пошли от этого властного, низкого, хриповатого голоса.

Внутри столько воспоминаний в один момент всколыхнулось, что меня едва не качнуло от силы этой внезапной атаки.

Так вот как ощущаются травматические флешбэки? Будто тебя сейчас волной приливной сметёт и унесёт в чёрные, бурные воды, из которых, кажется, больше не выплыть.

Но всё это внутри, а снаружи я — безучастная статуя.

— Добрый день. Чем я могу вам помочь?

Барханов несколько долгих мгновений смотрит на меня не мигая. Видимо, искренне не понимает, то ли я с момента нашей давней последней встречи оглохнуть успела, то ли блаженной стала, то ли...

— Боюсь, ты не расслышала.

— Прошу прощения, но я не понимаю, о чём вы говорите, — безукоризненно любезный тон для меня сейчас как броня. — Нам с вами не о чем говорить.

Глава 5

— Прошу прощения, но я не понимаю, о чём вы говорите, — безукоризненно любезный тон для меня сейчас как броня. — Нам с вами не о чем говорить.

Приподнимает густую чёрную бровь, а у пронзительных синих глаз собираются мелкие морщинки, будто вот-вот улыбнётся.

— Ошибаешься.

— Что заставляет вас так считать?

— Не что, а кто, Варвара.

Сглатываю.

— Сергеевна.

— Извини?

— Прошу вас не опускаться до фамильярностей.

Он какое-то — очень короткое — время молчит, а потом цокает языком. Уголок рта едва заметно приподнимается. Видит в этом иронию.

Высокомерная, жестокосердая сволочь.

— Извините, — проговаривает с нарочитым смирением и без запинки переходит на вы. — Варвара Сергеевна. Но сути дела ваша игра в неприступность, я боюсь, не меняет.

А мне становится по-настоящему страшно. Это не спонтанный визит, не случайное эхо из прошлого. Да Артур никогда таким и не грешил. Нет, разыскать меня и приехать сюда — лично! — его заставило что-то по-настоящему, с его точки зрения, важное.

— Я бесконечно далека от того, чтобы играть с вами в игры. Вы сделать заказ собираетесь? Если нет, нам не о чем говорить.

— Нам действительно не о чем говорить, — в синих глазах мелькает гневная искорка. — И совершенно нечего обсуждать. Кроме вопроса о сыне.

Последнее слово врывается в солнечное сплетение и скручивает там что-то очень горячее и колющее. Оттуда по всему телу растекается испепеляющий жар.

Да как он посмел...

И я, конечно, тут же теряю маску любезности. Едва успеваю сцепить пальцы в замок перед собой, чтобы хоть как-то себя уравновесить.

— О сыне? — выталкиваю из себя почти через силу. — Ты приехал *о сыне* со мной говорить?

Усмешка озаряет его мужественное лицо, и я ненавижу себя за то, что помню, помню его улыбки. Улыбки давно чужого мне человека. Человека, которого я когда-то считала самым для меня дорогим...

— Ну вот, мы и с формальностями попрощались. Недолго же ты держалась, Варвара.

Я игнорирую его попытку ковырнуть меня побольнее.

— Я не собираюсь ни о чём с тобой разговаривать.

— Это не тебе решать, *бизнес-леди*, — последнее слово он произносит с очевидной издёвкой, будто его забавляет одна только мысль, что я завела себе крохотное дело, которым вообще-то втайне очень сильно гордилась.

— Ты, кстати, неплохо устроилась. Молодец, — он внимательным взглядом с высоты своего недюжинного роста обвёл торговую залу. — Дорого помещение обошлось?

Я заморгала, опешив от столь резкой смены темы нашего разговора. И Барханов очень хорошо понимал, что его слова сработали идеально. В вопросе крылся какой-то намёк...

— Ладно. Твой волшебный карьерный взлёт мы обсудим потом. Поговорим о Даниле.

— Нет, — я мотнула головой так, что едва не хрустнули шейные позвонки. — Нет, мы не будем говорить о Даниле. Ты почти восемь лет ничего о нём не говорил. Тебя просто не

было в нашей жизни. Ты самым жестоким, бесчеловечным образом сам себя из неё вычеркнул. Так и останется!

Барханов слушал мою короткую пламенную речь с лёгкой усмешкой. Явно чувствовал себя хозяином положения, который не суетился и не спешил раскрывать противнику все свои карты.

— Ты права. Меня в вашей жизни действительно не было. Какое-то время. Теперь я в ней есть. И с этим тебе, Варвара, придётся смириться.

— Нет! — крикнула я, с позорной лёгкостью теряя остатки самообладания. — Тебя нет! И ты больше не имеешь на нас никаких прав!

Барханов качнул головой, словно дивясь моей эмоциональной отповеди.

— На тебя — нет. С чего это вдруг ты решила, что я на тебя права предъявляю? А вот сын уедет со мной.

Наверное, если бы сейчас молния с громом и грохотом расколола крышу и врезалась посередине торгового зала, я и то меньший шок испытала бы.

— Ч-что?..

Барханов пожал могучими плечами, обтянутыми элитной шерстяной тканью делового костюма.

— Мальчишке самое время втягиваться в семейное дело.

— В с-семейное... Нет. Нет! Как ты смеешь вообще такое произносить? Как ты смеешь являться сюда после всего, что ты натворил, и заявлять мне подобное?!

Мой гнев легко зажёл ответный в бывшем супруге. Барханов выдохнул, тонкие ноздри хищно раздулись.

— Как я смею? Мне не нужно ничего *сметь*! Данил — мой сын. И этого тебе должно быть достаточно!

— Не было достаточно, не достаточно и никогда не будет! — рывкнула я. — Я. Тебе. Не позволю!

Мой гневный выпад внезапно его охладил. Теперь Барханов смотрел на меня едва ли не с сочувствием. Как на умалишённую, но безобидную в целом помеху.

— Не позволишь? — фыркнул он. — А кто тебя будет спрашивать?

Глава 6

— Не позволишь? — фыркнул он. — А кто тебя будет спрашивать?

Его жестокие слова вгрызаются в меня, сверлят мне мозг. Не отпускают.

И я понимаю, что кошмарный сценарий сбывается. Сценарий, который против всяких доводов холодного рассудка все эти годы рисовало мне воображение.

Вот однажды Артур по каким-то причинам одумается. Вспомнит, что натворил, и решит познакомиться с сыном.

Только вовсе не так я себе представляла его возвращение. Почему-то решила, что бывший супруг решит действовать исподтишка, постарается добраться до Данила в обход, оставив меня в полном неведении.

Но я, глупая, совершенно забыла, что имею дело с Бархановым — жёстким, бескомпромиссным и давно бесповоротно чужим мне человеком. И этот-то человек не станет унижать своё эго обходными путями. Он просто явится на порог и безо всяких колебаний потребует.

— Кто будет спрашивать? — повторяю. — *Тебе* придётся, раз уж ты сам явился сюда и даже подсылать не стал никого. А раз не стал подсылать, то причина, должно быть действительно важная. Только, извини, мне не верится, что ты вдруг из сентиментальных соображений решил с сыном налаживать связь.

— Мои причины тебя не касаются, — отрезал Барханов. — Наш с тобой разговор... считай, что я делаю тебе одолжение. Становиться в позу и высказывать своё негодование ты можешь сколько угодно. Это ничего не изменит. Ну разве что ты потешишь своё самолюбие.

Нет, эта встреча даже не повторяла мой кошмарный сценарий, она во сто крат его усугубляла. Я-то представляла себе, что за все эти годы он, быть может, раскается... быть может, поймёт, сколько боли мне причинил...

Как же можно было быть настолько наивной...

— Потешить своё самолюбие? — всё-таки не выдержала я. — Ты можешь сколько угодно пытаться меня унижать. Может, это и сработало бы с той Варварой, которую ты когда-то знал. Сейчас — не сработает. Каким бы жалким для тебя ни было моё эго, я сумела выжить и всё пережить. Я сумела...

— Сумела? — перебил он меня с откровенной насмешкой. — Погоди, верно ил я понимаю, что ты вообразила, будто всё это время справлялась сама?

Синий взгляд изучал меня с ледяной беспристрастностью.

— Ч-что значит... вообразила? — мой голос мгновенно ослаб, а на плечи будто стотонная плита опустилась.

Страшные подозрения уже закрадывались в душу, но я пока не позволяла им разгуляться всюю.

Бывший муж следил за сменой выражений на моём наверняка побелевшем лице, и, кажется, ему нравилось то, что он видел. Даже больше, он рассчитывал на такую реакцию.

— Ты, очевидно, решила, что всего добилась сама, — он ненадолго всё-таки оторвал от меня взгляд, высунул из кармана брюк правую руку и, ткнув в потолок указательным пальцем, очертил воображаемый круг. — Вот это всё ты считаешь своей справедливой заслугой?

И мне вдруг вспомнилось, с какой откровенной иронией он о помещении поинтересовался.

Я долго не могла место подходящее подыскать, а потом не позвонили...

Мне позвонили...

— Ну да, — кивнул Барханов, увидев по моему ошалелому взгляду, что до меня наконец-то дошло. — И дело ты своё крошечное сама завела, и сына в хорошую школу пристроила, и квартиру в приличном районе за бесценок снимаешь. Всё — сама.

И тут синий взгляд прожигает меня — беспощадно, навывлет. Уничтожает в немом противостоянии.

Будто говорит мне: *«Ты — никто и ничто без меня. Даже сейчас. Даже спустя все эти годы»*.

— К-как... как ты... — хриплю, уже не надеясь справиться с рушащейся реальностью, которую я с такой осторожностью и старательностью выстраивала вокруг себя и сына все эти долгие годы.

— Как? — с притворным удивлением переспрашивает бывший супруг. — Глупый вопрос, Варвара. Если я за что-то берусь, для меня нет невозможного. Думал, ты это знаешь. И помнишь.

В этих последних словах кроется что-то ещё, какой-то иной, дополнительный смысл. Но я не надеюсь его уловить. Слишком раздавлена.

— Ты... контролировал меня... всё это время... на расстоянии.

— Громко сказано, — фыркает бывший муж. — У меня не было ни времени, ни желания за тобой постоянно следить. Но я не позволил бы собственному ребёнку жить чёрт знает как.

В мозг мне ввинчивается мысль, мол, да и пусть! Пусть даже всё и так, как он говорит — считай, что вместо алиментов такими подарками откупился. Разве Данил не заслужил хоть что-нибудь получить от отца, о котором ничего толком-то и не знает!

Но эта мысль, крохотная и не слишком-то убедительная, когда вокруг неё ревет настоящий пожар едва-едва контролируемых эмоций.

— Ты не имел права, — цежу сквозь сжатые зубы. — Не имел права лезть в нашу жизнь. Барханов на это лишь усмехается.

— И что теперь? Что будет теперь, когда ты узнала *страшную правду*? Может, сейчас же уволишься? И сына из школы заберёшь? Съедешь с квартиры из чувства протеста?

Внутри всё горело, а я не могла придумать ответ.

Барханов удобно воспользовался моим позорным молчанием. Кивнул:

— Так я и думал. Поэтому не трать моё время. Сегодня же собери сыну вещи. Он поедет со мной.

Дорогие друзья!

Бесконечно благодарна вам за ваши звёздочки и комментарии!

Ваши интерес и внимание к истории вдохновляют меня на продолжение. ##

Глава 7

— Артур Анатольевич, мы к вам в офис или домой?

Артур поймал в зеркале заднего вида вопросительный взгляд своего водителя.

— Домой, — сухо скомандовал. — С работой я на сегодня покончил.

А ощущение было такое, что грузовой состав в одиночку за час разгрузил. Отвык он от таких перегрузок. Легче смотаться в спортзал и сотку от грудины пожать, чем вот такое.

Варвара, мать её, Сергеевна...

— Музыка, может, включить? — совершенно не вовремя ворвался в его мысли голос водителя. — Чтобы не в тишине, Артур Анатольевич.

— Без разницы, — он откинулся на спинку сиденья и упёрся нывшим затылком в мягкую кожу.

Дорога до загородного дома не из коротких. Мог бы, наверное, и вздремнуть.

Да только хрен там вздремнёшь, если все мысли только о недавно завершившейся встрече.

Он почти надеялся, что она за эти прошедшие годы запустила себя, расплылась, подурнела.

Чёрт бы там.

Выглядела так, будто только вчера выскакивала с крыльца их когда-то общего дома, а он рычал ей вслед такое, чтобы уже ни ей назад пути не было, ни ему.

Чтобы она поняла, как бывает, когда ему лгут и надеются, что правда никогда не вскроется. Чтобы знала, что водить его за нос — худшее из возможных решений.

Он потёр костяшками пальцев занывший висок.

Тогда он не знал, что её самая жуткая ложь ложью всё-таки не была.

Но что толку сейчас грузить себя этим? Всю правду ему сообщили, когда он несколько лет пропадал по делам бизнеса за границей. Решалась судьба компании, целый раунд сложнейших переговоров, а потом ещё это...

Тогда он без труда похоронил эту правду под тонной валившихся на него деловых обязательств.

Но сейчас... сейчас самое время исправить то, что ещё можно исправить.

Не с Варварой, конечно же. Нет, с бывшей женой всё давно кончено.

Данил — другое дело. Данил — его сын. С Данилом он договориться сумеет.

И если он хоть немного взял от него, мальчишка быстро поймёт все выгоды жизни с богатым отцом.

Дома из поездки его встречала любопытная мать. При том что он просил её на время оставить его в покое с расспросами и вообще с визитами не частить.

Но у неё насчёт его приказаний были собственные соображения.

— Артур, как поездка?

Он пересёк фойе, на ходу стаскивая пиджак и направляясь в своей кабинет.

— Я просил тебя, — проворчал он, хватаясь за ручку кабинетной двери, — расспросами меня не донимать. Это бесполезное дело.

Мать расстроено всплеснула руками, и кольца из белого золота, унижавшие её тонкие пальцы, ласково заклекотали.

— Артур, ну как же ты не поймёшь! Я хочу поскорее увидеть собственного внука! Почему тебе так сложно это понять?

— Своими расспросами делу ты не поможешь, — он вошёл в кабинет, и она последовала за ним.

— Я думала ты расскажешь мне, как сложилась поездка.

— А я должен?

— Я очень надеюсь на твоё понимание.

Артур бросил пиджак на спинку приставленного к столу кожаного кресла и усмехнулся.

— Удивительно. Совсем недавно тебе было на мальчишку плевать. Но когда ты узнала, что он действительно твой внук — и я шагу ступить не могу без твоих вечных расспросов.

— Почему тебя это так удивляет? — нахохлилась мать, и поправила широкие рукава своей шёлковой туники. — Ты лучше бы объяснил, почему твоя бывшая горе-жена от тебя это скрывала.

Артур скрипнул зубами, бездумно роясь в бумагах, которыми собирался сегодня заняться из дома.

Сама того не зная, мать ткнула в больное. В то уязвимое место в его непрístupном и ледяном фасаде, которое он собирался оберегать до последнего. Потому что за ним притаилось чувство вины, которому он, впрочем, ни за что не позволил бы и на миллиметр поднять головы.

— Варвара здесь ни при чём, — процедил он сквозь зубы. — Закрыли тему.

— Что значит, ни при чём? — проигнорировала его предупреждение мать. — Как это, ни при чём? Эта хитрая дрянь скрыла от тебя, что беременна!

Насколько всё было бы легче, будь это так. В этом случае он, может, и не стал бы давать ей поблажку в виде сегодняшнего вечера. Забрал бы сына прямо сегодня.

Но нет, в этом принципиальном вопросе Варвара ему не врала.

— Она ничего не скрывала, — Артур ответил матери пристальным взглядом. — Я знал, что она ждёт ребёнка.

Ответом ему стало гробовое молчание. За это время он успел отыскать нужную папку и дать по внутренней связи короткое указание принести ему чай.

— Как это... знал? — наконец отошла от ступора мать. — Артур, ты знал, что у вас будет ребёнок и...

— Я не знал, что он будет *у нас*, — сделал ударение он. — И это моя вина. Я просчитался. Но остальных её грехов это не искупает. Я же сказал, закрыли тему. Я больше не хочу её поднимать.

После этих слов мать заметно утихла, пусть и не спешила покидать его кабинет.

Ещё немного, и на проходной он будет просить охрану её разворачивать, если родительница продолжит с такой настойчивой регулярностью приезжать к нему в гости и выносить ему мозг.

— Как скажешь, — наконец очень тихо отозвалась она. — Но только как ты собираешься объяснить это сыну, которого планируешь у неё отобрать?..

Глава 8

— Да не поверю...

Голос подруги в трубке звучит слабо и будто отражает мои собственные мысли.

— Я бы, Маш, тоже никогда не поверила, если бы его рожу холёную сегодня в своём торговом зале не видела, — я шмыгнула носом и отёрла злые слёзы салфеткой. — Меня до сих пор всю трясёт, стоит только подумать.

— М-могу представить... Ты же... кхм... ты слышала, что он с тех пор возглавил совет директоров и теперь подмял под себя обе компании? Слияние завершили в позапрошлом году вроде бы. Барханов сейчас такая величина в бизнесе...

От этих «хороших» новостей я едва не застонала. Прикрыла глаза и упёрлась лбом в раскрытую ладонь. Да будет ли этому кошмару сегодня хоть какой-то конец?

На моё красноречивое молчание подруга отозвалась:

— Ага... Значит, не слышала. Варь, я это к тому, что он сейчас вообще недоступная величина. С соответствующим весом и связями. Ты с ним поосторожней...

— Поосторожней?! — сорвалась я и подавила истеричный всхлип. — Да говорю же, Маш, он сына у меня надумал забрать! Как я буду с ним войну-то вести, если он сейчас ещё богаче, влиятельнее и злее!

Сердце, и без того нывшее почти целый день, снова отозвалось тупой болью.

Данил пообедал, сделал уроки и отправился к приятелю по лестничной клетке — в приставку поиграть. Я только потому и позволила себе этот звонок — выговориться и выплакаться, пока сына нет дома.

Но ведь нужно же что-то решать.

В том, что Барханов сдержит данное слово и завтра вернётся со своим требованием, я ничуть не сомневалась. Этот человек всегда добивался поставленных целей. Всегда пёр напролом, всегда умел отыскать выходы из любых ситуаций.

— Варь, у меня есть на примете пара юристов. И я дам тебе их контакты, конечно, но... но что из меня за подруга, если я боюсь тебе правду сказать? — Машкин голос задрезжал так, что того и гляди она сама разревётся.

И это меня пробрало даже сильнее, чем всё остальное. Потому что здесь и сейчас я понимала, что положение у меня безвыходное. Хоть собирай сына и лети с ним куда-нибудь в ночь. Вот просто убегай в неизвестность.

Часть меня уже всерьёз обдумывала такой вариант. Часть — возмущалась и негодовала. Да где это видано, чтобы в наше, казалось бы, цивилизованное время совершалось подобное варварство!

— Я знаю, что ты мне скажешь, — я снова вытерла щёки. — Скажешь, что шансов у меня меньше чем никаких.

— Варь, ну, может, вы снова поговорите? Может, попытаться чем-то от него откупиться?

— Откупиться? — от изумления я даже икнула.

Ещё чуть — и меня пробьёт на истерику.

— Маш, да что ж я ему могу предложить? Он ведь ясно дал мне понять, что я и своим нынешним небедственным положением обязана только ему и ему одному! Он унизил меня, размазал, камня на камне от моей гордости не оставил! А я с ним — переговоры вести?

— Ну а какие у тебя альтернативы? — внезапно огрызнулась подруга. — Ну какие? Скажи! Выкинуть тонну деньжищ на адвокатов, почти со стопроцентной вероятностью зная, что проиграешь? Да и есть ли у тебя такие финансы?

Внутри всё опять начинало ходить ходуном. Сейчас я почти ненавидела Машку за её правоту. За то, что она буквально заставляла меня не ёрзать, не суетиться. А посмотреть жестокой правде в глаза.

Но ведь мне действительно не с чем идти на эти переговоры. Даже если Барханов по какой-нибудь непонятной причине захочет в эти переговоры вступить.

— Знаешь, — хрипло отозвалась я наконец, — наверное, побег — не такое уж и безумное предприятие.

— И куда побежишь? — деловито осведомилась подруга.

Знать бы...

— Не знаю, — созналась я тихо. — Может, пока буду паковать вещи, придумаю.

— Может, это и не самое странное решение в твоей ситуации, — осторожно подала голос Машка. — Ты тогда и мне ничего не говори. Несколько часов у вас в запасе есть. Такси возьмёте? Или, знаешь, может, я к тебе Арсения пришлю? У него выходной завтра. Он мог бы...

— Ну вот ещё, не хватало твоего мужа сюда впутывать, — я даже головой покачала, пусть подруга и не могла меня видеть. — Нет, Маш, спасибо. Буду сама выкарабкиваться.

— Да ты с тех пор, как с ним развелась, всё — сама. А я до сих пор считаю, что ты зря от выгоды отказалась. Надо было с него по полной стрясти!

— Маш, ты вообще меня слышала? — устало хмыкнула я. — Не дал он мне жить самостоятельно. Получается, я всё это время его выгодами и пользовалась. Сама об этом не зная.

И, получается, всё это для того, чтобы спустя несколько лет он снова варварски вторгся в мою кое-как склеенную жизнь и заявил права на сына, от которого отказался!

Горячие слёзы снова защипали глаза, и я приложила к раздражённым векам салфетку.

— Какая же он всё-таки сволочь, — пробормотала подруга. — Варь, если бы я могла хоть чем-то помочь...

— Ты уже помогла, — всхлипнула я. — Ты меня выслушала.

Мне действительно стало чуточку легче. Кроме Машки — моей школьной подруги — у меня никого в жизни больше и не было. Я росла без родителей, а воспитавших меня бабушки и дедушки давно не было в живых.

Когда-то я, вчерашняя наивная студентка, считала, что нашла наконец родного человека, который мог бы стать для меня всем, в том числе и семьёй.

А теперь готова была бежать хоть на край света, только бы он меня не нашёл.

Дверной замок в прихожей щёлкнул, и мне пришлось отложить свои тяжкие мысли на потом.

Наступало время действовать.

И действовать быстро.

Глава 9

— Так ты собираешься официально нас познакомить? — опытный палец Ирины пробежался по его плечам, легонько прошлись по шее и впелись в шевелюру.

Раньше он ничего против этого не имел и даже мог на какое-то время расслабиться, передавая ей инициативу, но сегодня мысли были как никогда далеки от развлечений.

Артур выпрямился в своём рабочем кресле и отклонил голову, давая понять, что расслабляться сейчас не настроен.

— Я пока над этим не думал. И тебе не стоит голову забивать. Этот вопрос мы решим позже.

— Само собой, — Ирина слегка отодвинулась от него и заглянула в глаза. — Но ты хотя бы на время отвлётся от этих своих планирований. Я тебя в последнее время и так не вижу почти.

— Ты знала, с кем связывалась три года назад. С тех пор ничего вроде бы не изменилось, — проворчал он, немного всё же досадуя на себя за то, что искренне не желал отвлекаться на общение со своей женщиной.

Но последние несколько дней — незадолго до его визита в магазин бывшей жены и сразу же после — голова по каким-то причинам отказывалась возвращаться в привычное состояние исправно работавшего, отчуждённого от каких-либо эмоций механизма.

Все эти годы он жил именно так. Его всё устраивало, окружающих всё устраивало. Ирину — устраивало. Они отлично подходили друг другу в постели, понимали нужды друг друга и ничего сверх того друг от друга не требовали.

Но последнее время всё шло как-то... неровно. Словно его старательно выстроенная жизнь давала сбой, но местоположение и природу этого сбоя он выявить пока не сумел.

Ничего. Это временно.

Как только вопрос с сыном решится, он вернётся в своё привычное состояние.

— Да, я знала, с кем связывалась, — она всё-таки положила ладони ему на плечи и прильнула к нему, словно ждала ответной ласки. — Но сейчас мне тебя не хватает. Я приезжаю к тебе, а у тебя на уме только сын и вся эта кутерьма с его возвращением. Что твоя бывшая, кстати, по этому поводу думает?

— Мне безразлично, что она думает, — проговорил он сквозь стиснутые зубы.

— Узнаю своего Артура, — усмехнулась Ирина. — Совершенно безжалостен.

Она помолчала.

— Но если твоя бывшая благоверная — небезразличная мать, тебе нелегко с ней придётся.

— Благодарю за прогноз, — сыронизировал он, пытаясь сосредоточиться на отчёте, который просматривал.

Но всё-таки невольно скосил взгляд на винтажные часы, украшавшие его рабочий стол. До истечения срока, отведённого Варваре на сборы сына, оставалась несколько часов.

— Но если твоя бывшая не совсем всё-таки дурочка, она поймёт все выгоды твоего щедрого предложения, — протянула Ирина. — На одно только надеюсь, что мне не придётся часто принимать её в нашем доме. Не думаю, что эта дама мне будет приятна.

Андрей пропустил смелое заявление Ирины о «нашем» доме.

— Никто никого тебя принимать и не просит. Этот вопрос я буду отдельно решать.

— Я и не сомневалась, что ты ответишь что-нибудь в этом роде, — пробормотала Ирина.

— Надеюсь, это не станет предметом претензий с твоей стороны.

Она помолчала.

— Единственной моей претензией может стать то, что в ближайшем будущем тебе придётся делить своё внимание не в мою пользу. А мне придётся бороться за лишнюю минутку с тобой.

В голосе Ирины прорезались плаксивые нотки, будто она уже и смирилась с тем, что их жизнь неотвратно изменится, стоит Данилу здесь поселиться.

— Предлагаю не драматизировать, — Артур захлопнул папку с бумагами и отодвинул её, понимая, что чем ближе его поездка, тем бесполезнее попытки сосредоточиться на делах. — И не ревновать раньше времени к ребёнку.

Ирина на это замечание ничего не ответила, но он заметил мелькнувшее в её зелёных глазах неудовольствие. Рано или поздно она ему его, конечно же, выскажет, но он не стал бы тратить усилия и время на то, чтобы переживать по этому поводу.

Он уже давно не переживал ни о чём, что касалось любых личных отношений.

В последний раз это случилось, когда его бывшая жена покалечила ему сердце и ушла из его жизни с ребёнком под собственным.

Больше впутываться в чувства он себе не позволит.

Но лёгких волнений это всё-таки не исключало. Как например, некоторого беспокойства, которое ему всё-таки пришлось пережить, когда за три часа до отъезда ему позвонили, чтобы сообщить неожиданное.

— Артур Анатольевич, тут дело такое... Наши ребята из наблюдателей сообщили, что ваша супруга... извините, бывшая супруга... взяла такси и вместе с сыном едет куда-то по направлению к выезду из города. Машина загружена.

Маршрут и координаты ему сообщили.

Пришлось бросить всё, включая своё обещание по дороге подкинуть Ирину домой, и помчаться наперерез беглецам.

Спустя сорок минут он подходил к автомобилю, через лобовуху которого на него ошарашенно таращился ничего не подозревавший таксист.

— Отблагодари человека за сообразительность, — бросил Артур на ходу одному из своих охранников.

Он открыл заднюю боковую дверцу авто и посмотрел в распахнутые от шока глаза женщины, которая однажды его уничтожила:

— Добрый вечер. Ваш маршрут перестроен. У вас пересадка.

Глава 10

— Мам...

Его сын смотрел на мать испуганными глазами, и Артур ненавидел себя за то, что ведомый инстинктом охотника, не позаботился о приличиях.

Годы шли, а его нрав и темперамент продолжали приносить ему очевидные неприятности.

— Данил, вам с мамой не о чем переживать, — он отворил дверцу шире. — До места назначения доедете с комфортом. Я обещаю.

Барвара метнула на него полный невыразимой ненависти взгляд, но при сыне ничего говорить не решилась.

Теперь сын смотрел на него во все глаза. Очевидно, не ожидал, что здоровенный мужик в строгом костюме заговорит с ним напрямую.

— А вы кто?

Отличный вопрос.

— Расскажу, когда домой доберёмся.

— Домой? — голубые глазёнки сделались круглые-круглые.

— Ага, — кивнул Артур и окинул взглядом пустовавшую трассу. — Вечереть начинается. Поехали?

— Мам... — Данил снова повернулся к матери.

Её пухлые губы вытянулись в тонкую линию. Но она кое-как умудрилась взять себя в руки и погладила сына по плечу.

— Идём, Дань. Доберёмся до места и там всё по порядку решим, хорошо?

— Ну... ладно, — неуверенно протянул сын. — Но мы ведь... мы же к бабушке ехали?

Он видел, как её красивое лицо свело судорогой, но она не позволила себе ни лишних движений, ни лишних слов.

— Идём, Дань. Я всё объясню тебе позже.

Он был неправ. Она изменилась. Но вовсе не так, как он мог бы предположить. Вовсе не в ту, видимо, сторону.

Дорога обратно тянулась словно резина, когда в роскошном салоне его Audi воцарялась напряжённая тишина, но время начинало лететь быстрее, стоило Данилу о чём-нибудь его спросить. Мальчишка отличался здоровой любознательностью и сообразительностью. Излишней стеснительностью не страдал и был открыт к диалогу, видимо, интуитивно понимая, что ситуация сложилась пусть и странная, но они с матерью вне опасности.

Мать же... Мать время от времени бросала на них тревожные взгляды. Он видел, как её глаза перебежали с него на сына. Сравнивала. Сопоставляла. Интересно, к каким выводам успела прийти?

Поймав себя на этой мысли, он приказал ей исчезнуть. Ему нет никакого дела до того, что она думала, видела и ощущала. Её мнение больше не считается важным, не учитывается, не имеет значения.

В доме сегодня не было никого, кроме прислуги.

И не появится, пока он не уладит все вопросы, связанные с переездом сына.

Артур отдал распоряжения, касавшиеся багажа. С молчаливого согласия матери Данила отвели вымыть руки, умыться и что-нибудь перекусить с дороги.

Само собой, она не стала бы возражать. Им, совершенно очевидно, предстоял, тяжкий и, скорее всего, затяжной разговор. Изнурительное выяснение отношений, которого у них не случилось годы назад.

Потому что тогда она спешила сбежать, очевидно, прекрасно осознавая, что натворила. А он... он не был уверен, что тогда вообще мог связно мыслить от боли.

Но вот сыну о предстоящей словесной битве знать совершенно необязательно.

— Принесите чай. И я попрошу нас не беспокоить.

Он жестом пригласил бывшую жену следовать за ним в смежную с главной столовой чайную комнату — куда более скромную по размерам и подходящую для переговоров.

Но если он ожидал, что она послушно усядется с ним за столом и позволит вовлечь себя в конструктивную беседу без лишних эмоций, то его надежды не оправдались.

— То, как ты поступил, просто чудовищно, — она осталась стоять на пороге комнаты, у закрытых дверей, и сверкала оттуда на него своими глазами.

— А то, как ты поступила? — он опёрся ладонями на спинку ближайшего стула и устремил на неё пристальный взгляд. — Ты посчитала, я буду с тобой в игрушки играть?

Она стиснула зубы, наверняка удерживая себя от того, чтобы повести себя чисто по-женски — закатить ему форменную истерику.

Во всяком случае такой линии придерживались все те, кто был в его жизни после неё. Целая вереница женщин, чьи лица давно слились для него в какую-то однообразную, нераспознаваемую и блеклую массу.

— Я посчитала, что ты поймёшь моё нежелание играть по твоим чудовищным правилам.

Ну да, и сам-то он чудовище, и правила у него под стать.

— И почему это ты вдруг ждала от меня понимания?

Вопрос-провокация, но ведь и логичный же. Откуда бы между ними возникнуть какому-то там пониманию? После всего, что произошло.

— Я ждала, что наваждение схлынет и ты хоть немного сообразишь, *что* собираешься совершить.

— А что такого я собираюсь совершить?

— Что такого? — переспросила она с изумлением. — Ты собираешься совершить недопустимое! Отобрать у матери сына!

— Предлагаю сменить формулировку. Я не отбираю у матери сына. Я перекладываю на себя обязанности по его воспитанию. Включая *все* финансовые издержки. Я даже готов *заплатить* его матери за то, что все эти годы, пусть и не без ощутимой помощи с моей стороны, она добросовестно растила нашего сына.

Её лицо скривилось от омерзения.

— Господи... каким же ты стал... я даже слов подобрать не могу. Это... это не цинизм даже.

— Это прагматичный взгляд на вещи, — он побарабанил пальцами по спинке стула, а её передёрнуло.

— Прагматичный? Ты совсем съехал с катушек, если называешь прагматичностью свою бесчеловечность! Что-то в тебе безнадёжно сломано, раз ты так считаешь.

— Сломано, — прорычал Артур и стиснул спинку стула так, что она жалобно скрипнула. — Это, Варвара, ты верно заметила. Так сломано, что уже не починить!

Глава 11

— И в этой поломке, конечно, я виновата.

Стою на пороге роскошно обставленной комнаты с изящным круглым столом светлого дерева, начищенным до блеска узорным паркетом и кремовыми гардинами.

Но вся эта красота непостижимым образом давит на меня, делая обстановку ещё более угрожающей, нереальной.

Меня трясёт и колотит.

Я почти не спала.

Маялась от неизвестности. Мучилась сомнениями. И решилась на эту сумасшедшую поездку, только чтобы угодить в лапы к слетевшему с катушек бывшему мужу.

И подумать только... я ведь ещё чуть не поддалась на Машины уговоры, когда на прощание она предложила:

— Слушай, ну раз не Арсений, так может быть, бывшему начальнику своему позвонишь? Он хоть на край света доставит, если только попросишь.

— Дениса? Шутишь...

Я знала, Денис воспримет мою просьбу о помощи как шанс. А я никаких шансов давать ему не собиралась. Уважала его как человека — не больше.

И вот только представить себе, что бывший муж вытаскивал бы меня из машины Дениса...

Я и так всю дорогу сюда едва ногти себе от волнения не обгрызла и до сих пор умираю от неизвестности.

Держалась на одном честном слове, до сих пор до конца не веря в происходящее.

Но вместо вменяемого разговора и попыток прояснить ситуацию он претензии мне предъявляет?

— Я не собираюсь в жертву играть, — прорычал Артур. — Я предлагаю тебе смотреть на ситуацию реалистично. Если ты гадала, каким будет наш разговор, то имей в виду эту небольшую деталь — ты говоришь со сломанным человеком. Для меня нет правил и условностей. Если дело касается достижения целей. Надеюсь, это понятно.

— Это понятно, — кивнула я, готовясь к неизбежному. — Как и тебе должно быть понятно, что сына я без боя тебе не отдам. Мне даже в голову не может прийти, как ты мог подумать, что я вот так запросто с ним расстанусь!

— Я умею быть убедительным.

— Это угроза?

— Это для общего понимания. Я не собираюсь ходить перед тобой на цыпочках и слова выбирать.

— Подобного от тебя я никогда и не ожидала. Но ты перешёл все границы, опускаясь до подобных вещей.

Меня даже передёрнуло от воспоминания.

— Ты настолько уверился в собственной власти, что позволяешь себе буквально красть людей посреди дороги!

— Брось эту драматизацию, — поморщился бывший муж. — Я не собирался гоняться за вами по всему Подмоскovie только лишь потому что тебе взбрело в голову, будто ты можешь игнорировать мои предупреждения.

— Начнём с того, что ты не имеешь права никакие предупреждения мне выносить! Нужно быть совершенно оторванным от реальности, чтобы подобное вытворять!

— Нужно быть очень недалёковидной, чтобы не видеть всей выгоды переезда сына ко мне, — отчеканил Артур.

— Выгоды? — вскинулась я. — О какой выгоде речь?

И тут меня будто молния навывлет прошила. Даже Барханов перемену заметил. Прищурился и ждал, как я поступлю со снизошедшим на меня откровением.

— Выгода... — тихо повторила я. — Господи, ну конечно... Что же ещё это могло быть.

— О чём ты бормочешь? — не выдержал он.

Внутри у меня всё наизнанку готово было вывернуться от омерзения.

— А я всё голову себе ломала и вчера, и сегодня... Что могло тебя внезапно заставить вспомнить о нашем существовании. Какие силы небесные подвигли тебя явиться вот так бесцеремонно... Потому что я ни за что не поверю, что ты вдруг к сыну любви преисполнился.

— Изъясняйся по-человечески, будь добра, — проскрежетал Барханов.

— Да ведь и так всё ясно, — всхлипнула я. — Выгода. Тебе это каким-то образом выгодно!

Он молча пожирал меня взглядом. Сильные пальцы продолжали сжимать спинку несчастного стула. Даже костяшки побелели от напряжения.

— Моя будущая сделка диктует условия, — начал он, и я тихонечко застонала.

Не думала, что после его шокирующего визита спустя столько лет что-то сумеет поразить меня сильнее и глубже.

Ошибалась. Сумело.

— Господи... Ты решил у меня сына *из-за какой-то сделки* забрать? — моё лицо, должно быть, перекошилось от звучавшего в голосе омерзения.

— Эта «какая-то сделка» завершит мои десятилетние труды. И обеспечит моему сыну и моим внукам безбедное существование, — тоном, не терпящим возражений, пояснил Барханов. — Я не обязан всё это тебе разжёвывать. Не моя забота, поймёшь ты меня или нет. Но считай это жестом доброй воли. И на этом закроем вопрос.

Меня начинало шатать от бури эмоций, охвативших моё без того измученное переживаниями тело.

— Ты... какая же ты меркантильная сволочь. Ты... ты чудовище!

— Да, да, прекращай повторяться. Я — чудовище. Хладнокровное и безжалостное, — отмахнулся Барханов, но в его глазах вдруг мелькнул хищный огонёк. — А ты уверена, что у тебя хватит сил с этим чудовищем воевать?

Он помнил меня девчонкой — наивной, восторженной и неразумной. Девчонкой, строившей воздушные замки и мечтавшей пройти с ним рука об руку всю свою жизнь. Слепо верившей, не знавшей предательства. Помнил и не понимал, что той девчонки давно уже нет. Он постарался, чтобы она умерла в тот самый день, когда вернулась из той злосчастной поездки.

Когда узнала, что он предатель и лжец, изменщик и бессердечная сволочь.

И что стало ценой узнанной правды? Стоило мне застукать его за изменой, как он показал свору истинную натуру. Отказался от собственного ребёнка, будто от какой-то обузы!

А теперь, когда обстоятельства припекли, он вдруг вспомнил о сыне.

Монстр во плоти. Бездушный, бессердечный. Думающий только о собственной выгоде.

Но на любого монстра найдётся управа.

Я вздёрнула подбородок, чтобы дать ему достойный ответ:

— Не тебе беспокоиться о моих силах, Барханов. Знай, что я не отступлюсь. Я ни за что не отдам тебе сына!

Глава 12

— Я ни за что не отдам тебе сына!

Она буквально испепеляла его взглядом — яростным, ненавидящим.

Она действительно готова поверить в то, что он собирается наладить общение с сыном исключительно из-за сделки?

Что ж, хорошо. Имеет полное право. Он ведь ничего объяснять ей не стал.

И не собирается переубеждать.

— Ни за что не отдашь? — растягивает он слова и наблюдает за тем, как прищуриваются её, яркие и блестящие от закипающих слёз. — Какие громкие слова, Варвара. А кто тебя спрашивать будет?

Ты же называешь меня чудовищем, золотко. Ну так ты его и получишь. Получишь эталонного представителя вида. Которого взрастила сама!

Взрастила и до сих пор этого не понимает.

Как вы, женщины, вообще устроены? В чём-то — дико прозорливые и почти сверхъестественно точные. В чём-то — словно слепые котята. Даже то, что лежит на поверхности, не видите. Или просто замечать не хотите.

— А я твоих вопросов не жду, — она сжимает кулаки, словно была бы её воля, и в ход бы с удовольствием их пустила. — Я уже объяснила тебе, что не отступлю!

— Варвара, — с обманчивым спокойствием отозвался Артур. — Оглянись, будь добра. Ты *уже* отступила. Отступила и правильно сделала, потому что тягаться со мной глупо. Бессмысленно.

Она вдыхает так резко и глубоко, будто вот-вот задохнётся.

Он знает, что бьёт по больному.

Так пусть она наконец-то почувствует хотя бы крупицу того, что чувствовал он, когда всё узнал... Почти восемь лет назад. Перед самым её приездом...

И мир перед глазами снова делался алым. Горел и пульсировал, будто он всё переживал снова, впервые.

— Думаешь, угрозы меня остановят? — срывающийся голос силы не потерял. — Я позволила привезти нас сюда, потому что не хочу лишний раз травмировать сына. Сына, о котором ты не вспоминал все эти годы! А теперь явился и делаешь вил, что имеешь на него какое-то право!

Они ходят по кругу. Она не оступится. Он, конечно же, тоже. Нужно рубить этот гордиев узел и двигаться дальше. Ни к чему продолжать прошлое ворошить.

— Я, как ты выразилась, явился тогда, когда посчитал нужным.

— Ну конечно. Тебе же виднее, — тихонько фыркнула она, задрав губу, и его невольно отбросило прочь, снова окунуло в воспоминания.

Ему нравилась её мимика. Забавляла, смешила, очаровывала. Всегда. Ровно до того дня, когда он вычеркнул её из своей жизни.

Он был уверен, что сейчас уже ничто в ней не могло его впечатлить. Но вот эта характерно подпрыгнувшая к носу губа шарахнула по нему, словно молния.

И это бесило. Бесило, что эта лживая дрянь до сих пор так легко могла влезть к нему в голову!

— Давать оценку моим решениям я не просил, — отрезал он, стремясь погасить неуместные ощущения. — Оправданий ты от меня не дождёшься.

— Как будто я их ждала! — всплеснула руками она. — Восемь лет без них прожила и дальше как-нибудь справлюсь. Артур, я давным-давно смирилась с невозможным. С тем, что ты бесчеловечно отказался от ещё не рождённого сына ради... ради чего? Ради интрижки со

своей секретаршей? И ладно бы действительно её полюбил! Но ведь после неё у тебя десятки в постели перебивали! Светская хроника до сих пор только о твоих романах и пишет!

Она проговорила всё это с такой скоростью, словно стремилась как можно скорее вытолкнуть из себя накопившуюся боль.

А он пытался осознать только что сказанное.

— Ради... интрижки? — проговорил он, сам не веря, что произносит подобную ересь.

То ли он совсем крышей поехал, то ли...

— А как ещё это можно назвать? — на её красивом лице снова проступила тень неподдельного омерзения. — Или у вас с Леной всё действительно было серьёзно? Серьёзно настолько, что ты вконец ополоумел и от ребёнка своего из-за неё отказался!

А вот это было уже каким-то новым уровнем коварства.

Артур втянул в себя воздух, пытаясь сдержаться от того, чтобы его окончательно не понесло.

— Ты, — он переждал, пока первая волна гнева затухнет, — ты считаешь, будто я *знал*, что ребёнка ты ждёшь от меня, и с порога от него отказался из-за... из-за какой-то секретарши?

Варвара смотрела на него, как на умалишённого.

Несколько долгих мгновений они таращились друг на друга, силясь понять.

Её губы чуть шевельнулись, но поначалу она не издала ни звука, будто что-то мешало ей говорить.

И в этой мертвенной тишине с её ресниц сорвались и покатались по гладким щекам две крупных слезинки.

Он следил за ними, как замороженный.

— Знал?.. — наконец отыскала голос она. — Что значит... знал? А... ты сомневался в том, что я беременна *от тебя*?..

Глава 13

— Знал?.. — просипела я, и мир у меня перед глазами с тошнотворной медлительностью покачнулся. — Что значит... знал? А... ты сомневался в том, что я беременна *от тебя?*..

Барханов давил на меня своим сумрачным взглядом. В синих глазах бушевал настоящий шторм.

— Вот только не нужно сейчас добропорядочную из себя строить. Мне о твоей поездке всё до последней минуты известно. Где и с кем ты была. Как своё свободное время там проводила. И в поездке, и до неё.

Его голос начинает грубеть и ломаться. И мне это так било по нервам, что хотелось захныкать и уши зажать.

Я совершенно не понимаю, о чём он говорит. Но его слова не могут на меня не сработать — невольно выуживаю из памяти ту самую поездку и события до неё. В такой лихорадке, когда голова идёт кругом, сразу ничего как следует не вспоминается.

И уж тем более я не могу вспомнить совсем ничего, что можно было бы мне инкриминировать.

Мне начинает казаться, что он *реально* спятил. Что я имею дело с законченным параноиком, который только сейчас позволил мне обнаружить своё истинное состояние.

— Господи, что ты несёшь... При чём... при чём тут поездка?..

— При том что ты отправлялась туда со своим теперь уже бывшим начальником. Хмырём, который за тобой волочился, но ты в этом мне не признавалась! С ублюдкой, у которого ты в своей грёбаной командировке две ночи в номере провела!

Я не помню, чтобы когда-нибудь слышала такой надсадный, такой утробный, исковерканный голос. Будто со мной не человек общался, а зверь, едва научившийся слова выговаривать.

— Денис Ев... геневич? — едва припомнила я имя своего бывшего шефа.

Из той мелкой конторы я уволилась спустя пару месяцев после развода и за это время умудрилась позабыть отчество моего непосредственного начальства.

— Ты у меня спрашиваешь? — вызверился Барханов. — У меня? *Тебе* должно быть виднее!

Денис как-то в шутку умолял меня развестись или хотя бы, на худой конец, стать его любовницей. После того как я спасла его во время аврала с отчётностью для налоговой. Один раз заплатил за мой обед на перерыве, когда я карточку в кабинете забыла. На корпоративе как-то танцевать приглашал. Было всё это, но поводы ревновать настолько пустые, что над этим в пору было бы пошутить, если бы не ситуация.

А поездка... Господи, та поездка...

— Артур... — я впервые спустя столько лет умудрилась выговорить его имя.

Но сейчас это было совершенно неважно. Потому что я пыталась осознать масштаб катастрофы. Катастрофы, разделившей мою жизнь на до и после. Да что там разделившей. *Разрушившей* мою жизнь.

А масштаб её... он не стоил выеденного яйца. Получается, мою жизнь разрушила идиотская мелочь. Случайность. Сломавшийся водопровод.

Правда рвалась из меня. Голосила на все лады, требовала выхода.

Но у неё на пусти вставала искалеченная гордость. Гордость женщины, которую любимый мужчина так легко обвинил в жуткой измене и беременности от другого.

И я закрылась, запечатала правду в себе.

Сделанного не воротишь. Не исправишь ни страшных слов, ни страшных поступков.

Ему придётся жить с их последствиями.

А уж я постараюсь сделать так, чтобы жить ему пришлось очень и очень тяжело.

Я подняла на него взгляд — сухой и ясный.

Я наконец-то начала понимать, как выстраивать линию своего поведения.

— Что? — вымолвил он наконец, озадаченный моим долгим молчанием. — Что «Артур»? Так и не придумала оправданий?

Оправданий? Ну конечно. Кинься я ему сейчас объяснять, и вот бы как всё это выглядело. Я попытаюсь себя выгородить. Начать с чего-нибудь сакраментального. Например: «*Артур, ты всё не так понял...*»

И мне захотелось расхохотаться.

Потому что всё было именно так! Он. Всё. Не так. Понял!

Но ему-то плевать. Он-то считает, что вывел меня на чистую воду. Вывел и избавил себя от тяжелой судьбы — воспитывать чужого ребёнка от неверной жены, принимая его за своего.

А потом что-то случилось, верно? Что-то случилось такое, что заставило его осознать, как страшно он ошибался.

Но ведь ничего уже не вернешь.

Ничего не изменишь.

И всеильный Артур Барханов остался, как и любой другой простой смертный, в дураках.

Карма, Артур. Карма — беспощадная и неумолимая дама.

— Оправданий, — я усмехнулась, ощущая, как по телу прокатываются отголоски покидавшей моё тело нервной дрожи. — Я не собираюсь строить никаких оправданий. Разве мои выдумки смогут тягаться с той достоверной информацией, которой владеешь ты?

Уж не знаю уловил ли он мой сарказм и прозрачный намёк на то, насколько достоверной была информация, раз в ту пору он умудрился подумать, что я носила под сердцем чужого ребёнка.

— Поэтому нет, — качнула я головой, — никаких оправданий, Барханов, ты от меня не дождёшься. А вот твои оправдания я бы послушала.

Глава 14

— Мои оправдания? — мне казалось, он сейчас рассмеётся. — Не понимаю, о каких оправданиях ты говоришь.

Нет, я не позволю его самоуверенности подавить меня ещё до того, как я попытаюсь потягаться с ним в этой неравной борьбе.

— Как ты узнал о том, что происходило в поездке? — я сканировала его пристальным взглядом, боясь пропустить хотя бы намёк на изменения в его настроении.

Но зря я надеялась, что он позволит мне перехватить в этом споре инициативу.

Барханов и бровью не повёл. Хотя я ожидала, что примется издеваться.

— Николая Самсонова помнишь? — оgorошил вопросом.

Мне пришлось на секунду задуматься. Я помнила только одного Самсонова Николая. Он был моим коллегой, до того как я оставила прежнее место работы.

— Самсонов? — внутри уже нехорошо холодило. — Он у нас в юротделе работал. А он здесь... при чём?

— При том, что Самсонов уважал не только юриспруденцию, но и деньги, — усмехнулся мой бывший муж. — До того уважал, что на приработок согласился.

Вот теперь понимание вогнало в меня свои острые когти и потянуло.

— Он... шпионил за мной? — прошептала я с отвращением.

Благообразный молодой человек. Предельно тактичный, не болтливый, серьёзно относившийся ко всему, за что брался.

Вот и к своей подработке, видимо, предельно серьёзно отнёсся.

— Ты подкупил Самсонова...

— Я с ним пообщался, — поправил меня Барханов. — Когда начал подозревать, что у тебя на рабочем месте складывается нездоровая атмосфера. При этом ты об этой атмосфере упорно молчала. И это могло значить только одно: тебя всё устраивало.

Боже мой, какой бред...

— Я ничего тебе не говорила, потому что говорить было не о чем! — крикнула я. — Начальство не позволяло себе ничего, за что я должна была бить в колокол и мчаться с жалобами на него! Но ты поступил, как всегда поступал. Исходя только из собственных выводов и соображений! Ты никогда со мной не считался!

— Это полнейшая чушь! — синие глаза гневно сверкнули. — Я сделал выводы, когда на одной из вечеринок твои коллеги-подружки без всякого стеснения при всех принялись шутить о том, как к тебе вечно клинья кто-нибудь подбивает. Какого чёрта я должен был это терпеть?

— А со мной об этом поговорить ты не догадался?

— Я что, жалобщик какой-нибудь? Сам не смогу разобраться? — гроыхнул Барханов, оторвал ладонь от спинки стула и хрястнул ею по столу так, что я подскочила. — Ты бы ответила, чтобы я не переживал! Что ничего такого не происходит. Ты и сейчас так считаешь!

— Потому что ничего и не было! — рявкнула я. — А ты сам себя перехитрил, Барханов. Ты сам во всём виноват! Сам всё разрушил! Ты даже не понимаешь, какую ошибку ты совершил!

Кажется, мои крики его отрезвили.

Я не собиралась орать, но его повышенный голос заставлял и меня свой повышать. Опять я чувствовал себя бесправной. Со мной не считались. Меня не слышали. Моё мнение не имело никакого значения.

Господи, как я сейчас ненавидела этого человека...

— Моей единственной ошибкой было поверить всей информации скопом, — наконец ответил он через силу.

Видно было, что даже сейчас ему сложно было признать, как страшно он просчитался.

— Я поверил всему. Особенно когда ты с такой настойчивостью засобиравалась в командировку. Носилась с ней, будто в отпуск собралась. Дождаться её не могла. И уезжала-то не на вшивую пару дней. На месяц.

И это добавило в копилку его подозрений.

Барханов, какой же ты идиот...

— Я рвалась туда, потому что по результатам этой рабочей поездки меня ждало повышение. Не терпелось похвастаться. А потом я узнала...

Горло сжалось, не дав договорить.

А потом я узнала куда более важную новость. И обратно мчалась словно на крыльях уже не хвастаться мужу своими карьерными достижениями, а порадовать куда более важными новостями.

Порадовала. Да так, что запомнилось на всю жизнь.

— К тому времени мне уже всё доложили, — сухо отозвался бывший супруг.

— И ты решил это «отпраздновать», — горько обронила я. — Со своей секретаршей. Я помолчала.

— Ты не имел права верить постороннему человеку. Сколько бы ты ему ни заплатил.

— Не пытайся выставить меня виноватым, — набычился снова Барханов. — В номере своего начальника ты ночевала. Он тебе завтраки в постель таскал. Да, я знаю и это. Я знаю всё!

— Ничего ты не знаешь, — всхлипнула я.

Барханов прищурился и собирался что-то ответить, но у меня за спиной в дверь предупредительно постучали. Спустя пару мгновений она отворилась, и в чайную комнату заглянула девушка в форме горничной.

— Ой. Добрый вечер. Извините, что помешала.

Её обеспокоенный взгляд перебежал на Барханова.

— Артур Анатольевич, а вас спрашивают.

— Кто?

— А... ну... ваша невеста.

Глава 15

— Невеста? — невольно вырвалось у меня.

Информация оказалась настолько внезапной, что слова сами слетели с моего языка.

Так у Артура, оказывается, новый брак на носу...

— Юля, я занят, — обратился бывший муж к горничной, пропустив мой вопрос мимо ушей. — Передай.

Прислуга на прощание бросила стремительный взгляд на меня и скрылась за дверьми чайной комнаты.

— Эти две вещи как-нибудь связаны? — в моём голосе волей-неволей прорезалась сталь.

И Артур это заметил. Приподнял тёмную бровь.

— Твоё желание отобрать у меня сына и твоя будущая свадьба, — пояснила я, прислушиваясь к своим ощущениям.

Новость о его скором браке немного выбила меня из реальности. За последние годы о Барханове в светской хронике много слухов ходило. За такими новостями я не следила, но он слишком заметная фигура в бизнесе, слишком уж на слуху. Поэтому время от времени какие-то обрывки новостей, хотелось мне того или нет, долетали и до меня.

Его считали закоренелым холостяком. И женщин он менял как перчатки. Первое время, когда в материалах являли о том, что таким его сделал первый неудавшийся брак, всё внутри буквально кровоточило. Потом научилась вообще внимания на эту желтушность не обращать.

И вот как всё обернулось. Теперь я стою лицом к лицу с фактом о женитьбе бывшего мужа.

Может, и это в своём роде карма? Знать бы, какой мне из неё следовало извлечь бесценный урок...

— Ни о какой свадьбе я не объявлял, — Артур окинул мрачным взглядом комнату, явно раздосадованный тем, что разговор приобрёл такой неожиданный поворот. — И нет, никакого отношения это...

Договорить ему помешала с неожиданной силой распахнувшаяся дверь.

В чайную комнату вторглась высокая, фигуристая красотка.

Ей хватило всего пары секунд, чтобы оценить ситуацию, и не хватило ни грамма воспитанности, чтобы со мной поздороваться.

— Привет, — она смотрела на Артура с вопросом во взгляде. — А с каких пор мы общаемся через прислугу?

Барханов приподнял брови.

— Ирина, я же попросил передать, что занят.

— Нет, это я поняла, — с усмешкой ответила та, кто была, по всей видимости, Ириной. — Но у тебя не сверхважный брифинг, не общение с партнёрами из-за рубежа. Это даже не заседание совета директоров. Я просто пытаюсь понять, в чём же тогда важность этого разговора, раз ты не пожелал ни на минутку отвлечься, а отослал прислугу попросить меня подождать?

— А ты куда-то спешишь?

— Представь себе! — всплеснула руками она. — Через полтора часа у меня благотворительный вечер. Опаздывать нежелательно. Я примчалась сюда провести с тобой хоть какие-то полчаса. А тут...

И она обернулась, наконец смерив меня пренебрежительным взглядом.

— ...какое-то сверхважное совещание. Это кто?

И тут в её зелёных глазах зажглось понимание.

— А-а-а-а... — протянула Ирина. — Так это и есть твоя бывшая? Ребёночка привезла? Я стояла столбом, онемев от подобного бесцеремонного обращения.

— Добрый вечер, — услышала я собственный голос. И звучал он сейчас как будто изда-
лека. — А вы и есть невеста?

— Ирина, выйди, — приказал Барханов тоном, не терпящим возражений.

Она оторвала пристальный взгляд от меня и снова обратила его на своего суженого.

— Артур, я тебе не домашний питомец. Не собачка комнатная, чтобы вышвыривать меня
за дверь, когда тебе заблагорассудится.

— Комнатные собачки обычно приучены вести себя подобающе, — голос Барханова
наливался недовольством. — Если, конечно, хозяин ответственно подходит к их воспитанию.

Красиво подведённые глаза округлились.

— Ты намекаешь...

— Я не намекаю, — процедил Барханов. — Выйди. И закрой за собой дверь. Позже
поговорим. А если я не успею, поезжай на свой благотворительный ужин.

— Да о чём с ней говорить? — вызверилась Ирина. — Забирай своего отпрыска и гони
её отсюда взашей. Зачем ты с ней церемонишься? Я считаю... Ай!

Артур стремительно преодолел разделявшее их расстояние и, схватив свою невесту под
локоть, поволок её к двери.

Какой бы рослой ни казалась Ирина, но даже на каблуках не могла тягаться с ним ни в
росте, ни уж тем более в комплекции.

Она что-то ещё верещала, но он вытолкал её из комнаты и, на ходу дав какие-то распо-
ряжения подскочившему к нему охраннику, продолжил свой путь с вырывавшейся невестой
в охапке.

Долго стоять в полной растерянности мне не пришлось.

Тот самый охранник, на которого я старалась не глазеть, пока он шагал сюда уверенным
шагом, появился на пороге чайной комнаты и пробасил:

— Идёмте со мной. Артур Анатольевич распорядился отвести вас в гостевую комнату.
Он скоро вернётся.

Это был бы идеальный момент для попытки побега. Вот только бежать в одиночку я не
собиралась.

Мне нужно срочно увидеться с сыном.

Глава 16

— Извините...

Мой сопровождающий на ходу обернулся.

Я не знала и не могла знать, как отреагирует на мою инициативу шедший впереди охранник, но не попытаться попросту не могла.

— Извините, я просто... Я ведь даже не знаю, когда он освободится.

У меня и сейчас язык не повернулся называть его по имени-отчеству. Если уж совсем начистоту, в адрес Барханова из меня наружу рвались только ругательства. Но прилюдное выражение моего к нему отношения никак не поможет мне добиться желаемого.

Охранник наморщил лоб:

— Ну, этого я тоже не знаю. Артур Анатольевич ничего не сказал. Сказал только отвести вас пока в гостевую.

— Я бесконечно благодарна ему за заботу, — я понадеялась, что от моих интонаций не разило сарказмом, — но, понимаете, мне очень нужно с сыном увидеться. Он где-то здесь, но я понятия не имею, куда его отвели. Вы мне не помогли бы?..

Выслушав мою просьбу, охранник остановился и покрутил головой, будто собирался выбрать новое направление.

Моё сердце затрепетало от прилива надежды.

— Сына вашего, кажется, в серой гостинной оставили. Ну, идёте. Глянем.

Данька действительно оказался в элегантно обставленной комнате — с целой тележкой каких-то закусок и развлекавшей его разговором молоденькой горничной.

Когда мы с охранником возникли на пороге, она подскочила с подлокотника кресла, на который присела, и поздоровалась.

— Проходите, — она чуть сдвинула тележку в сторону и указала мне на диван.

Видимо, сразу сообразила, кто я такая.

— Я сейчас распоряжусь чаю свежего принести. Присаживайтесь.

Охранник помялся на пороге и тоже ушёл. Видимо, чтобы доложить своему хмурому хозяину, что с задачей в основном справился.

Интересно, что скажет ему Барханов, когда тот отрапортует, что к сыну меня отвёл?

Впрочем, какая мне разница?

Сейчас мне совершенно плевать, что на это скажет Барханов.

Стараясь не выказывать нервозность, я без лишней суеты опустилась на диван.

— Мам, а где ты была?

Данил старательно вытирал руки разложенным у него на коленях белоснежным полотенцем.

Да ему тут целый фуршет устроили.

Ну хоть об этом голова сейчас не будет болеть — ребёнок накормлен...

Учись, Варя, ценить даже те радости, которые кажутся крохотными на фоне происходящих невзгод.

— Я...

С отцом твоим окаянным говорила.

С отцом, который свалился на наши головы из ниоткуда.

И шансов на то, что мы сможем от него куда-нибудь деться, нет никаких.

Говорили мы так, что стены тряслись, но ни до чего не договорились. Примчалась его кошмарная невеста и добила только того, что он выволок её из комнаты, а меня оставил в совершеннейшей неизвестности.

Думаю, сын не оценил бы мою искренность. Она бы его только больше запутала.

— Дань, время, конечно, самое неподходящее...

Неподходящее. Да хуже и не придумаешь!

— Мам, может, и ты покушаешь? — сын подхватил с тележки тарелочку с какими-то замысловатыми канапе, но меня от одного вида еды сейчас воротило.

— Спасибо, Дань. Не сейчас. Послушай... мы здесь не просто так оказались.

— А мне объяснили, — огорошил меня сын.

И сказал он это так спокойно, будто для него было самым обычным делом — ни с того, ни с сего посещать роскошный загородный дом какого-то совершенно неизвестного ему хмурого богача.

— Как — объяснили? Кто объяснил?

Сын поднял на меня ясный взгляд и с детской непосредственностью пояснил:

— Таня.

Я захлопала глазами, пытаюсь сориентироваться.

— Таня?

Даня кивнул.

— Она мне всю эту еду привезла. И мы познакомимся. Она тут работает, а на выходные домой уезжает.

— О...

Понятно. Он говорил о той самой горничной, которая его тут развлекала.

— А что она тебе объяснила?

Данил пожал плечами:

— Ну, она сказала, что мы тут в гостях. Что Артур... Артур...

— Анатолеви́ч, — автоматически подсказала я сыну.

— Ага, — он кивнул. — Что Артур Анатолеви́ч нас сюда пригласил. Мам, а он кто? Он твой знакомый?

Я медленно выдохнула, молясь про себя, чтобы не сделать всё только хуже.

Потому что я шла наобум. Я не знала верных ответов. Я не знала, что будет дальше. Я понятия не имела, как в итоге решит действовать мой бывший муж.

Но что бы он ни решил, он планирует познакомиться с сыном. И помешать его планам я не могла. Я могла лишь немножко сыграть на опережение.

— Даня, помнишь, ты как-то спрашивал, а я тебе говорила... кхм... я тебе говорила, что твой папа давно уехал от нас и теперь работает за рубежом?

Рано или поздно я собиралась рассказать ему куда более приближенную к правде жизни версию, но пока не хотела травмировать его рассказами о том, что родного папы у него не было, нет и не будет. Потому что такова уж взрослая жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.